
DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-092-098

РОЛЬ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В УСТАНОВЛЕНИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ С МОНГОЛИЕЙ

© 2023

Е. И. Лиштованный¹

Рассматривается роль и место Восточной Сибири в вопросе установления российско-монгольских связей в целом и подписании Соглашения о дружбе между Россией и Монголией от 3 ноября 1912 г. в частности. Подчеркнута значимость восточно-сибирских управленческих, научных и образовательных учреждений в формировании дружественного облика России по отношению к соседней Монголии. Сделан акцент на следующих проблемах во взаимоотношениях Восточной Сибири и Монголии: значение Иркутского генерал-губернаторства в установлении российско-монгольских связей; появление первых переводчиков, преподавателей монгольского языка и исследовательских структур в Восточной Сибири; формирование общественного интереса сибиряков к Монголии и участие их в общественно-политической жизни соседней страны.

Вторая половина XIX и начало XX вв. характеризуется возросшей активностью российско-монгольских отношений. На иркутского генерал-губернатора были возложены обязанности по контролю за состоянием дел с Монголией. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в фондах Иркутского государственного архива. Прежде всего необходимо назвать фонды Главного управления Восточной Сибири и Канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири. Сибирско-монгольские связи становятся своеобразным индикатором состояния российско-монгольских отношений. В начале XX в. связи Восточной Сибири с Монголией не ослабевали. Более того, при иркутском генерал-губернаторе была введена должность чиновника по особым поручениям, курировавшего монгольское направление.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. Россия, используя, в том числе, выгодное географическое положение Восточной Сибири, значительно нарастила свои усилия на монгольском направлении, а дипломатический талант И. Я. Коростовца позволил в кратчайшие сроки подготовить и подписать Российско-Монгольское соглашение 1912 г.

Ключевые слова: Россия, Монголия, роль Восточной Сибири на монгольском направлении

Для цитирования: Лиштованный Е. И. Роль Восточной Сибири в установлении договорных отношений с Монголией. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 1. С. 92–98. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-092-098

ROLE OF EASTERN SIBERIA IN THE ESTABLISHMENT OF CONTRACTUAL RELATIONSHIPS WITH MONGOLIA

Evgeny I. Lishtovanny

---

¹ Лиштованный Евгений Иванович, доктор исторических наук, профессор, Иркутск; evgeniilishtovannyi@mail.ru
Evgeny I. Lishtovanny, DSc (History), Professor, Irkutsk; evgeniilishtovannyi@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7064-9812

The role and place of Eastern Siberia in the issue of establishing Russian-Mongolian relations in general and the signing of the Friendship Agreement between Russia and Mongolia of November 3, 1912 in particular is considered. The importance of the East Siberian administrative, scientific and educational institutions in the formation of a friendly image of Russia in relation to neighboring Mongolia is emphasized. Emphasis is placed on the following problems in the relationship between Eastern Siberia and Mongolia: the importance of the Irkutsk Governor-General in establishing Russian-Mongolian relations; the appearance of the first translators, teachers of the Mongolian language and research structures in Eastern Siberia; the formation of the public interest of Siberians in Mongolia and their participation in the socio-political life of the neighboring country.

The second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries is characterized by the increased activity of Russian-Mongolian relations. The Governor-General of Irkutsk was entrusted with the responsibility of monitoring the state of affairs with Mongolia. This is evidenced by documents stored in the funds of the Irkutsk State Archives. First of all, it is necessary to name the funds of the Main Directorate of Eastern Siberia and the Office of the Governor-General of Eastern Siberia. Siberian-Mongolian relations are becoming a kind of indicator of the state of Russian-Mongolian relations as a whole. At the beginning of the 20th century, the ties between Eastern Siberia and Mongolia did not weaken. Moreover, under the Irkutsk governor-general, the position of an official for special assignments was introduced, who oversaw the Mongolian direction.

Thus, in the second half of the 19th and early 20th centuries, Russia, using, among other things, the favorable geographical position of Eastern Siberia, significantly increased its efforts in the Mongolian direction, and the diplomatic talent of I. Ya. Korostovets made possible elaboration and conclusion the Russo-Mongolian Agreement of 1912.

Keywords: Russia, Mongolia, the role of Eastern Siberia in the Mongolian direction

For citation: Lishtovanny E. I. Role of Eastern Siberia in the Establishment of Contractual Relationships with Mongolia. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 1. Pp. 92–98. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-092-098

В свое время Восточно-Сибирское генерал-губернаторство включало в себя огромную территорию. В него входили Енисейская и Иркутская губернии, Приморская область (с 14 ноября 1856 г.), Якутская область и Кяхтинское градоначальство. На генерал-губернатора были возложены обязанности по контролю за состоянием отношений с соседними странами Дальнего Востока, в том числе и Монголией. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в фондах Иркутского государственного архива. Прежде всего необходимо назвать фонды Главного управления Восточной Сибири и Канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири. Большинство материалов из этих фондов были введены в научный оборот иркутскими учеными Е. М. Даревской и Н. Е. Единарховой [Даревская, 1994; 1997; Единархова, 2008].

Безусловно, выдающуюся роль в укреплении восточной внешней политики сыграл генерал-губернатор Н. Н. Муравьев-Амурский. Он склонялся к мысли, что Россия по сравнению с Англией и Францией весьма вяло ведет диалог с Китаем и англо-французская активность стала уже опасной для Сибири. Планы Н. Н. Муравьева-Амурского относительно Монголии простирались вплоть до освобождения ее от Китая и переход этой территории под покровительство России. Известно, что его идеи не находили поддержки в Петербурге, однако именно деятельность генерал-губернатора Восточной Сибири через Айгунский и Тяньцзиньский договоры привели к подписанию договора в Пекине (2 ноября 1860 г.), который, без преувеличения, открыл новую страницу и в российско-монгольских отношениях.

В разные периоды деятельности Восточно-Сибирского, а затем Иркутского генерал-губернаторства назначались специальные чиновники, курирующие монгольское направление.

Так, в конце XIX — начале XX в. эту работу проводил Д. И. Першин. Он как чиновник по особым поручениям готовил совещания о развитии русской торговли в Монголии, был ответственным за прием монгольских миссий, опекал в Иркутске первых учеников-монголов, организовывал поездки в Монголию [Даревская, 1994, с. 218].

В силу географического расположения и волей исторической судьбы Сибирь, и прежде всего Восточная, была также тем регионом, где впервые в России проявились практический интерес и необходимость в знании языка соседней Монголии. Реальное обучение монгольскому языку начинается в 1725 г. в так называемой «русско-мунгальской» школе, открытой при Иркутском Вознесенском монастыре. Школа готовила переводчиков китайского, маньчжурского и монгольского языков для работы в Русской духовной миссии в Пекине. Среди членов духовных миссий были сибиряки, знавшие монгольский язык. Двумя годами позже, в 1727 г., в Иркутске была открыта епископская кафедра. С этого момента подготовка специалистов в области монгольского языка в Восточной Сибири в течение длительного периода будет связана с деятельностью Русской православной церкви. Позже на основе «русско-мунгальской» школы развивалась Иркутская духовная семинария. В ней преподавали известные специалисты в области монгольского и бурятского языков А. И. Бобровников, А. М. Орлов, И. А. Подгорбунский и другие.

В Сибири оттачивали свое знание монгольского языка ученые-монголоведы О. М. Ковалевский и А. В. Попов. Известно, что ко времени окончания О. М. Ковалевским Казанского университета у руководства возникла мысль начать преподавание еще одного из восточных языков — монгольского, однако преподавателей не было. Поэтому, прежде чем открыть новую кафедру, решено было направить О. М. Ковалевского и А. В. Попова на три года в Бурятию. В качестве преподавателя был выбран знаток монгольского языка А. В. Игумнов, долгое время служивший в Иркутске в губернском управлении. В 1813 г. им была учреждена в Иркутске частная школа монгольского языка. О. М. Ковалевский и А. В. Попов весьма успешно овладели языком и уже через полгода учебы могли делать переводы и изъясняться. О работе с А. В. Игумновым О. М. Ковалевский писал: «...занимаемся 3 раза в неделю по 3 часа... изучаем монгольскую азбуку, правописание, грамматику...» [Кузнецова, 1995, с. 12].

Годы, проведенные в Сибири, оказались очень плодотворными для Ковалевского. Он проявлял большой интерес к вопросам происхождения бурятских родов и племен, численности бурят, описывал их физический тип, одежду, жилище, хозяйственную жизнь и культуру. В Иркутске же О. М. Ковалевский в 1830 г. встречался с известным востоковедом И. Бичуриным. А. В. Игумнов, как отмечают исследователи, явился автором первого в России большого монгольско-русского словаря, которым пользовались не только питомцы Казанского университета, но и миссионеры, отправлявшиеся из Петербурга в Пекин для службы при Российской духовной миссии. О. М. Ковалевский и А. В. Попов в своем коллективном письме из Троицкосавска от 27 июля 1830 г. выражали А. В. Игумнову благодарность «за сообщенные им сведения по грамматике монгольского языка и особенно за позволение списать у него монгольско-русский словарь» [Хохлов, 1992, с. 224]. Также А. В. Игумнов собрал богатую коллекцию монгольских рукописей, преподавал монгольский язык в Иркутской семинарии и духовном училище.

Русско-монгольская войсковая школа с 1833 по 1888 г. действовала и в Забайкалье. Вначале она располагалась в Троицкосавске, а с 1851 г. была переведена в Селенгинск. Школа находилась в ведении Министерства внутренних дел и готовила писарей и урядников со знанием монгольского языка и существовала на пожертвования четырех бурятских казачьих полков Забайкалья. Учеником этой школы был будущий выдающийся монголовед, российский генконсул в Урге, уроженец Кяхты Я. П. Шишмарев. Выпускники применяли полученные

знания на практике, работая штатными переводчиками монгольского языка при Кяхтинском градоначальнике.

В XIX в. российское монголоведение переживало небывалый взлет. В Восточной Сибири оно развивалось в рамках созданного в 1851 г. Сибирского (с 1871 г. Восточно-Сибирского) отдела Русского географического общества (ВСОРГО). С самого своего основания отдел старался оказывать содействие практически всем путешественникам и экспедициям, проезжавшим через Иркутск. Так, с 1854 по 1880 г. через Иркутск проехали 323 российских исследователя, 45 из которых направлялись в Монголию, Маньчжурию и Джунгарию [Лиштованный, 2001, с. 18]. Здесь побывали проездом или некоторое время работали известные исследователи Востока В. В. Бартольд, Ф. И. Щербатской, П. К. Козлов, А. М. Позднеев, В. В. Радлов, Г. И. Рамштедт и другие. Эти ученые нередко приглашались для чтения лекций в Иркутске.

Через Восточную Сибирь в Монголию следовали и российские военные экспедиции. Это отдельная и, кстати, до конца еще не исследованная страница присутствия России на монгольском направлении [Бойкова, 2014; Кузьмин, 2007]. Кстати, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., т. е. на заре монгольской перестройки, некоторые публицисты напрямую обвиняли российских путешественников и исследователей в шпионаже, утверждая, что они работали на военные ведомства царской России, а затем и Советского Союза. Так, один из монгольских журналистов писал: «До сих пор никем не изобличаются так называемые русские ученые-исследователи Монголии, которые как до революции, так и после нее, финансируемые царским и советским правительствами, занимались разведывательно-шпионской деятельностью» [Ундэсний дэвшил. 1990. 11 авг.].

Конечно, на фоне перестроечной эйфории подобные суждения были полны эмоциональной окраски. Между тем в стремлениях России ничего экстраординарного не было. Она, как и другие государства, действовавшие тогда на восточном направлении, пыталась выявить экономические и военно-стратегические характеристики важнейшей для нее в геополитическом плане монгольской территории. Не секрет, что ряд экспедиций носил военный характер, и возглавлялись они офицерами Генерального штаба. Однако за этим нельзя не замечать поистине подвижнический труд многих российских ученых, заложивший в Монголии основы промышленности, здравоохранения, науки и просвещения.

Несколько позже среди монгольской общественности развернулась полемика и вокруг фигуры известного российского дипломата И. Я. Коростовца, сыгравшего в 1911–1912 гг. основную роль в подготовке Договора о дружбе между Россией и Монголией. Ему также приписывалась «шпионская» деятельность. Споры приобрели особенную остроту в связи с возникшей идеей поставить дипломату памятник в Улан-Баторе. Насколько мне известно, одним из последовательных сторонников увековечения памяти Ивана Яковлевича был доктор О. Батсайхан. Накал полемики ослаб лишь после того, как монгольская общественность смогла ознакомиться с двумя фундаментальными работами, отразившими кипучую деятельность И. Я. Коростовца накануне подписания Договора 1912 г. [Коростовец, 2004; 2009]. В итоге здравый смысл восторжествовал — 3 сентября 2014 г. в рамках рабочего визита в Монголию президента России В. В. Путина на территории Российского центра науки и культуры в Улан-Баторе был открыт памятник выдающемуся российскому дипломату.

Вернемся в Восточную Сибирь. Помимо содействия проезжавшим ученым самим ВСОРГО в 1860–1880-х гг. был организован ряд экспедиций в Монголию. Наиболее плодотворным в этом отношении для отдела были годы, когда его возглавляли Г. Н. Потанин (1880–1890)

и Д. А. Клеменц (1891–1894). Экспедиции Г. Н. Потанина, Д. А. Клеменца и Н. М. Ядринцева получили мировую известность.

В плееду русских путешественников и исследователей Монголии влились сибирские ученые и общественные деятели — уже упоминавшиеся Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Д. И. Клеменц и другие. Во второй половине XIX — начале XX в. российское монголоведение пополнилось бурятскими учеными — Д. Банзаровым, Г. Гомбоевым, Г. Цыбиковым, Ц. Жамцарано, Б. Барадиным. На дипломатическом поприще огромный вклад в развитие монголоведения и российско-монгольских отношений внес уже упоминавшийся нами Я. П. Шишмарёв [Кузьмин, Шинковой, 2021]. Среди членов ВСОРГО выделялся тоже уже упоминавшийся нами Д. П. Першин, известный специалистам по своим воспоминаниям [Першин, 1999] и писавший под псевдонимами Д. Даурский, П. Карымский, Бурхан. За обширные познания в области буддизма коллеги прозвали его «иркутским хутухтой». Д. П. Першин оказал большую помощь в организации в 1888 г. выставки предметов буддийского культа, которую проводили Г. Н. Потанин и И. А. Подгорбунский. Члены ВСОРГО регулярно знакомили сибирскую общественность с публикациями о Монголии через газету «Восточное обозрение»².

Именно в ней Д. П. Першин опубликовал свои статьи — «На родине Чингисхана», «Монголия и ургинские хутухты», «Монголия и Сибирь», «Современная Монголия», рецензию на книгу А. П. Свечникова «Русские в Монголии». И после отъезда в Ургу в 1915 г. Д. П. Першин продолжал присылать в Иркутск интересные письма и статьи. А его воспоминания (Д. П. Першин прожил в Монголии до 1927 г.) являются уникальной иллюстрацией одного из наиболее сложных периодов монгольской истории.

Помимо появления в Восточной Сибири первых переводчиков, преподавателей монгольского языка и исследовательских структур в Восточной Сибири следует сделать акцент и на формировании здесь основательного общественного интереса к Монголии и участия сибиряков в общественно-политической жизни соседней страны. Большей частью о событиях в России и мире монгольская общественность узнавала через русскую колонию, формирование которой было протяженным во времени и разнопричинным. Разрастание количества поселенцев из России стало особенно заметным с началом активной деятельности в Урге российского генконсула Я. П. Шишмарева. В период русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. Е. М. Даревская приблизительно оценивает численность русской колонии в 300–400 человек. Монголовед и военный разведчик И. В. Тонких, посетив Монголию в 1909 г., указал в отчете о 500–600 россиянах, из которых 300 — постоянные жители Урги. И. М. Майский в 1919 г. определил численность русской колонии в 3 тыс. человек. Японец Осима в том же году насчитал 1500 граждан России [Даревская, 1994, с. 273; Кузьмин, Дэмбэрэл, 1994, с. 119].

Информация о Русско-японской войне и о революции 1905–1907 гг. в России из Сибири доходит до колонистов, а через них и до монголов. Революционные события в Прибайкалье и Забайкалье, известия о деятельности Красноярского и Верхнеудинского Советов рабочих депутатов оказали влияние и на политическую обстановку в самой Монголии, в том числе на развитие здесь так называемого «дугуйланского» движения.

Сибиряки и активисты русской колонии были также в авангарде просветительской деятельности в Монголии. Безусловно, особое место в этом процессе отводится бурятскому ученому и общественному деятелю Ц. Жамцарано, приехавшему в Ургу в 1911 г. в качестве сотрудника российского консульства. Став советником при правительстве Богдо-гэгэна по делам

² Еженедельная областная газета, основанная в Санкт-Петербурге в 1882 г. Н. М. Ядринцевым. В 1888 г. издание было перенесено в Иркутск. Газета выходила до 1906 г.

образования и культуры, он надолго станет одной из ярких общественно-политических фигур Монголии первой четверти XX в.

Начало реального присутствия России на монгольском направлении приходится на вторую половину XIX в. с открытием в Урге российского Генерального консульства. Начиная с 1911 г., сразу же после объявления Монголией независимости, российское государство оказывало всестороннюю поддержку стремлениям монгольского народа обрести реальный суверенитет. Политические и военные планы царского правительства, экономические интересы российских промышленников и купечества в итоге приводят к пониманию того, что монгольская территория может стать одним из важнейших звеньев всей восточной политики России. Монголия, в свою очередь, рассчитывала, что присутствие «северного соседа» позволит ей более уверенно противостоять давлению Китая. Итогом взаимных интересов и стало подписание в 1912 г. первого Русско-Монгольского соглашения.

Таким образом, вторая половина XIX — начало XX вв. характеризуются возросшей активностью российско-монгольских отношений, а сибирско-монгольские связи становятся их своеобразным индикатором. Управленческие, торговые, образовательные и научные структуры Восточной Сибири ко времени подписания Русско-Монгольского соглашения 1912 г. накопили значительный потенциал во взаимоотношениях с соседней страной. Первое десятилетие XX в. показало достаточную развитость и стабильность российско-монгольских связей, что позволило И. Я. Коростовцу, используя весь свой дипломатический талант, оперативно провести работу по подготовке и подписанию важнейших договоренностей с Монголией.

Литература / References

Бойкова Е. В. *Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX века)* / отв. ред. М. И. Гольман. М.: ИВ РАН, 2014. 264 с.

Даревская Е. М. *Сибирь и Монголия: очерки истории русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков*. Иркутск, 1994 [Darevskaya E. M. *Siberia and Mongolia: essays on the history of Russian-Mongolian relations in the late XIX — early XX centuries*. Irkutsk, 1994 (in Russian)]; *Три портрета — три судьбы. Исторические очерки*. Улан-Батор, 1997 [Three portraits — three destinies. Historical essays. Ulaanbaatar, 1997 (in Russian)].

Единархова Н. Е. *Русское консульство в Урге и Я. П. Шিশмарев*. Иркутск, 2008 [Edinarkhova N. E. *Russian consulate in Urga and Ya. P. Shishmarev*. Irkutsk, 2008 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *От Чингис хана до Советской республики*. Улан-Батор, 2004 [Korostovets I. Ya. *From Genghis Khan to the Soviet Republic*. Ulaanbaatar, 2004 (in Russian)]; *Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 г.* Улаанбаатар, 2009 [Nine months in Mongolia. Diary of the Russian Plenipotentiary in Mongolia. August 1912 — May 1913. Ulaanbaatar, 2009 (in Russian)].

Кузнецова М. В. Изучение монгольского языка в Иркутске в начала XIX века. *Проблемы бурятской филологии и культуры*. Иркутск, 1995. С. 12–13 [Kuznetsova M. V. The study of the Mongolian language in Irkutsk at the beginning of the 19th century. *Problems of Buryat philology and culture*. Irkutsk, 1995. P. 12–13 (in Russia)].

Кузьмин Ю. В. *Монголия и Китай начала XX века в оценках российской военной разведки*. Улан-Батор, 2007.

Кузьмин Ю. В., Дэмбэрэл К. *Русская колония в Урге (1861–1920) в российской историографии*. *Диаспоры*. Иркутск, 1994. С. 119.

Лиштованный Е. И. *Монголия в истории Восточной Сибири (XVI–XX вв.)*. Иркутск, 2001 [Lishtovanny E. I. *Mongolia in the history of Eastern Siberia (XVI–XX centuries)*. Irkutsk, 2001 (in Russian)].

Монголия в трудах генерального консула Российской империи в Урге Я. П. Шшимарева. Некоторые мысли о праве России на Амур в документах и публикациях (к 160-летию Генерального консульства России в Монголии). Сост. А. И. Шинковой, Ю. В. Кузьмин. Иркутск, 2021 [Mongolia in the writings of the Consul General of the Russian Empire in Urga Ya. P. Shishmarev. Some thoughts about Russia's right to the Amur in documents and publications: (to the 160th anniversary of the Consulate General of Russia in Mongolia). Comp. A. I. Shinkovoy, Yu. V. Kuzmin. Irkutsk, 2021 (in Russian)].

Першин Д. П. *Барон Унгери, Урга и Алтан-Булак: Записки очевидца о смутном времени во Внешней (Халхаской) Монголии в первой трети XX века*. Самара, 1999 [Pershin D. P. Baron Ungern, Urga and Altan-Bulak: Notes of an Eyewitness about the Time of Troubles in Outer (Khalkha) Mongolia in the First Third of the 20th Century. Samara, 1999 (in Russian)].

Ундэсний дэвшил. 1990. 11 авг. (in Mongolian).

Хохлов А. Н. А. В. Игумнов — составитель первого в России большого монгольско-русского словаря. *VI Международный конгресс монголоведов*. М., 1992. С. 224–225 [Khokhlov A. N. A. V. Igumnov — the compiler of the first large Mongolian-Russian dictionary in Russia. *VI International Congress of Mongolian Studies*. M., 1992. P. 222–225 (in Russian)].